УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2024, Т. 166, кн. 5
С. 154–165

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81’23

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.154-165

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА РЕБЕНКА НА ЭТАПЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ВЗРЫВА: ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ТИПИЧНОЕ[1]

М.Б. Елисеева, К.А. Тьосса

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия

Аннотация

В настоящей статье проанализировано становление индивидуальных языковых систем двух девочек на основе лонгитюдных дневниковых данных. Рассмотрены каждый из компонентов языковой способности: фонетический, лексический, морфологический, синтаксический, а также особенности развития имитации и первые проявления метаязыковой деятельности. Учитывается наличие взаимосвязи (автономность или взаимообусловленность) различных компонентов. В качестве вспомогательного метода исследования использован анализ Макартуровских опросников. Сопоставление данных, отраженных в двух case study, и опубликованных ранее результатов анализа различных компонентов языковой способности, основанных на обширной базе данных Макартуровских опросников, позволяет не только сравнить становление речи двух детей, но и сделать выводы об общих закономерностях и индивидуальных особенностях речевого развития на ранних этапах речевого онтогенеза.

Ключевые слова: речевой онтогенез, индивидуальная языковая система, компоненты языковой способности, диагностика речевого развития, Макартуровский опросник, детская фонетика, начальный лексикон, детская морфология, детский синтаксис

В настоящей статье рассмотрим становление основных компонентов языковой способности ребенка: фонетического, лексического, морфологического, синтаксического, а также особенности развития имитации, учитывая их взаимосвязь (автономность или взаимообусловленность).

В монографии М.Б. Елисеевой, основанной на дневнике речевого развития Лизы Е. (1996 года рождения), подробно проанализированы каждый из вышеозначенных компонентов и их взаимодействие. Сделаны выводы о том, что некоторые компоненты связаны прямо пропорционально, а другие относительно автономны [1].

Кратко перескажем основные результаты этого исследования.

Первые слова пассивного лексикона (далее – ПЛ) отмечены у Лизы в 8 мес., активного лексикона (далее – АЛ) – в 9 мес. К моменту, после которого был за-

[1] Проект реализуется победителями грантового конкурса для преподавателей магистратуры 2024 Стипендиальной программы Владимира Потанина.

фиксирован лексический скачок (в 17;15[2]), ПЛ достиг уровня 358, а АЛ – 50 слов, половина которых была сверхгенерализована: сфера референции слов была расширена за счет метафорического переноса (сходства формы, размера, способности к движению, функции) или же метонимического переноса. Лексико-семантическая сверхгенерализация – способ расширить круг называемых ребенком явлений в период ограниченного лексикона и примитивной фонетики.

До названного периода девочка отказывается повторять слова вслед за взрослым и не реагирует на просьбу сказать что-либо. В период лексического скачка она демонстрировала понимание, но не повторяла слово, сказанное взрослым, а произносила другое, ассоциативно связанное с предложенным и имеющееся в АЛ (вместо *кошка – мяу*), или использовала жест. Иногда ребенок пытался повторить что-то новое и непонятное, но фонетически легкое. Однако и в 18 мес. подобное бывало редко, и, если случалось, слова скоро оказывались в АЛ. В 19 мес. Лиза научилась воспроизводить словоформу *опасен* (*анáси*): это использовалось как игра-обучение старшим братом и происходило неоднократно.

В 20 мес. после 113-го слова отмечен лексический взрыв: за месяц появилось 188 новых слов. В лексиконе зафиксированы суффиксальные существительные: диминутивы, названия детенышей животных и слова с грамматическим выражением единичности. Растет АЛ – закономерно исчезают лексико-семантические сверхгенерализации. В следующем месяце было усвоено 356 слов, после 22 мес. скорость снижается, но незначительно: до 24 мес. было усвоено еще 507 новых лексических единиц.

20 мес. – время появления «настоящей имитации» [2, с. 401]: ребенок повторяет любое понравившееся, а также любое предложенное взрослым для повторения слово. Ключевым стало стремление сохранить количество слогов в четырех- и пятисложных словах: *воробышек – абабисик*, *простокваша – паяяся*, *бегемотица – гаманятица* и т. п. После 22 мес. легко произносится и усваивается любая лексема, хотя и со значительными фонетическими трансформациями. Слова «языка нянь» вытесняются нормативными синонимами, и к 2 годам стирается лакуна между пассивным и активным лексиконом. Активно используются игровые переименования предметов и игры с воображаемыми предметами.

Становление звуковой стороны речи происходило в двух основных направлениях: с одной стороны, усвоение артикуляции отдельных звуков и их сочетания и порядка следования в словах; с другой стороны, развитие умения артикулировать лексические единицы разной длины. Первые 50 слов АЛ Лизы были просты не только в детском произношении, но и в качестве исходных единиц: ребенок как будто выбирал то, что легче произнести, поэтому в АЛ были слова следующих типов: состоящие целиком из согласных; односложные, состоящие из открытого или закрытого слога; двусложные, состоящие из одинаковых гласных или из редуплицированных слогов согласный+гласный; трехсложные с редупликацией или с неодинаковыми, но похожими слогами; четырехсложное слово с редупликацией. Вследствие такого простого состава АЛ слоги были про-

[2] Возраст здесь и далее указан следующим образом: количество месяцев; дней.

пущены только в семи из первых 50 лексем, и до 20 мес. были лишь отдельные случаи слоговой элизии.

Как уже указывалось ранее, первое трехсложное слово с неодинаковыми слогами зафиксировано в 19 мес. в результате имитации: *апаси* (*опасен*), а вслед за этим появилось похожее по структуре и звуковому составу слово – *аписи* (*апельсин*). В 21 мес. отмечены первые четырехсложные лексические единицы – с уподобленными слогами. При этом можно говорить даже о некотором увеличении количества слов со слоговой элизией, однако они быстро приобретали недостающие слоги: *дия/диия* (*дерево*), *ги/ибиги* (*сапоги*).

К 24 мес. слоговая структура слова перестает сокращаться и появляются многочисленные четырехсложные и пятисложные слова разных типов – с открытыми и закрытыми слогами и с легкими кластерами: *акасяник* (*лягушонок*), *асаядиникам* (*за холодильником*); *занаиситька* (*занавесочка*) и др.

Таким образом, появление трех-, а затем четырехсложных единиц было значимым не только само по себе как развитие слоговой структуры слова, но и как толчок развития АЛ. В свою очередь, объем словаря способствовал стремлению ребенка произносить любые слова, в том числе и длинные.

В 21 мес., через месяц после начала лексического взрыва, наблюдается морфологический: есть все части речи, кроме предлогов (появятся в 25 мес.) и союзов (сочинительные союзы будут отмечены в 24 мес.). Возникают грамматические оппозиции: падежа и числа существительных, времени и числа глагола, начинают склоняться прилагательные. Как пишет С.Н. Цейтлин, «ярким доказательством того, что словоизменительные правила действительно становятся компонентом формирующейся детской грамматики, является появление в речи ребенка словоизменительных инноваций» [3, с. 43]. В промежуток от 21 до 24 мес. было зафиксировано 54 формообразовательных инновации: смешение окончаний; ошибки в сочетаниях с числительными; унификация основы, устранение среднего рода; перераспределение существительных между мужским и женским родом; образование формы мн. ч. существительных Singularia tantum, употребление неодушевленных существительных как одушевленных. Появились и первые словообразовательные инновации (17). Необычным является тот факт, что морфологически оформлены были голофразы – ребенок обходится без двусловных предложений, как бы заменяя синтаксис морфологией: нужные смыслы передаются с помощью флексий (ср. высказывания, равноценные по смыслу: «Дать лопатка» и «Лопатку»).

Взаимообусловленность компонентов языковой способности, описанная выше, отсутствовала при усвоении синтаксиса: на начальных этапах он развивался относительно независимо. В 19 мес. ребенком впервые были составлены три двусловных высказывания «телеграфного стиля», но в дальнейшем в течение двух месяцев предложений не было. Интересно, что лексический взрыв никак не способствовал желанию ребенка соединять слова в высказывание. С 21 мес. предложения из двух слов отмечаются часто (109 в течение месяца), но являются не вполне полноценными – с паузами между компонентами. Структурные типы двусинтаксемных высказываний разнообразны, при этом все они уже морфологичны, поскольку произошел морфологический взрыв. Только к 24 мес. паузы между словами высказывания исчезают и употребляются простые, осложненные

и сложные предложения из четырех–пяти слов, то есть происходит «синтаксический скачок» и ребенок догоняет и даже несколько опережает среднее развитие девочек в этой области (медиана – 3.7 слов). Одновременно появились разные типы синтаксических связей – и сочинительная, и подчинительная; используются бессоюзные предложения разных типов.

Итак, развитие умения артикулировать слова, состоящие более чем из двух нередуплицированных слогов, оказалось толчком к росту словаря, а развитие словаря, в свою очередь, было стимулом развития морфологии. При этом синтаксис развивался относительно независимо.

В 24 мес. в дневнике отмечен первый случай прямого (без побуждения взрослых) самоисправления в дневнике Лизы (в области лексики) – исправление случая смешения паронимов.

Переходим к анализу становления индивидуальной языковой системы другого ребенка – Агнии Т. (2022 года рождения).

Лексикон Агнии от первых слов в 13 мес. до начала лексического взрыва в 21 мес. подробно рассмотрен в [4]. Обозначим здесь основные вехи лексического развития. В 13 мес. появились первые слова в активном лексиконе (звукоподражания и нормативные слова). В 16 мес. кроме упомянутых типов лексем отмечены лепетоподобные слова (*ляля, тетя, деде* – о дяде и дедушке), в 19 мес. после 60-го слова возник лексический скачок (42 слова в течение месяца), а в 21 мес. – лексический взрыв (129 слов в течение месяца). К концу 24-го мес. в АЛ 646 слов, то есть за три месяца словарь вырос более чем в четыре раза (рис. 1). Лексико-семантическая сверхгенерализация была, но не являлась характерной для начального лексикона.

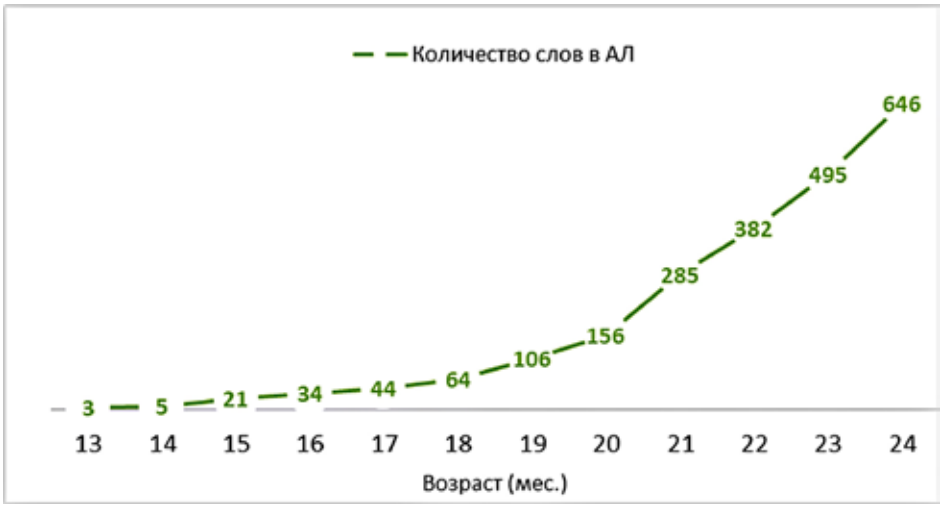

Рис. 1. Развитие активного лексикона Агнии от 13 до 24 мес.

Вопреки мнению бихевиористов о том, что новое поведение (в том числе и речевое) должно быть сымитировано, прежде чем оно появится у ребенка, развитие имитации было постепенным и напоминало развитие имитации у Лизы. До 19 мес. имитации почти не было: по просьбе взрослого «скажи…» ребенок иногда повторял, но только те слова, которые уже были в его АЛ. Именно лекси-

ческий скачок дает толчок развитию имитации: ребенок начинает самостоятельно, без побуждения взрослых, повторять новые слова за членами семьи. Рост активного словаря в период лексического взрыва сопровождается качественным изменением имитации: ребенок повторяет слова по просьбе взрослого, а также имитирует по собственному желанию: *привет, спасибо, ждать, сесть, скотч, дочь, кит, молния* и др. В 23 мес. Агния повторяет любые слова, при этом количество слогов в них, как правило, сохраняется. В 24 мес. начинает повторять за взрослыми целые фразы, состоящие (частично или полностью) из новых слов: *24;2 Пришли в магазин. Я говорю: «Сапожки будем мерить». Она: «Апоськи буде меить».*

Подавляющее большинство слов до лексического взрыва – субстантивы, в 16 мес. появляются первые глаголы (*дай* и *читать*), в 19 мес. – личное местоимение *я*, вопросительные слова (наречие *где* и местоимение *кто*) и числительные (*один, два, три*), в 20 мес. – первые прилагательные и наречия (*мягинький, мокро/мокрый, еще, никак*).

В начале 21-го мес., после 153-го слова, происходит лексический взрыв, на который указывает резкий рост АЛ – ежедневное его пополнение пятью–восемью новыми словами. Таким образом, за месяц в состав словаря вошли единицы, относящиеся к разным частям речи: существительные (например, *ковшик, пол, усы, платье, грязь*), глаголы (например, *пить, одеть, мыть*), прилагательные (например, *хороший, страшный, маленький*), местоимения (*ты, все, эта/эти*), наречие (*здесь*), категория состояния (*нельзя*). Как и прежде, в АЛ ребенка есть омонимы (*сён – солнце* и *слон*), к возникновению которых приводит закономерная для этого возраста сложность артикуляции слов. Слова «языка нянь» используются параллельно с нормативными синонимами (*собака – абака* и *вава*), что также типично в период лексического взрыва.

В 21;20 и 24;20 мамой Агнии заполнялся «Тест речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста: слова и предложения» [5]. Выяснилось, что в первый месяц лексического взрыва возраст развития словаря совпадает с биологическим, а через 3 месяца – опережает его: количество слов в 21;20 – 138 (медиана – 144); в 24;20 – 351 (медиана – 252, возраст развития словаря Агнии – 26 мес.).

Количество слов в дневнике в 24;20 (600) почти вдвое больше АЛ, чем в опроснике (351), что закономерно: исследователи, ссылаясь на авторов оригинальной версии MacArthur CDI, неоднократно писали о том, что статус опросника не полный, но только репрезентативный [5, с. 7]. При этом многие единицы лексикона в опроснике не отмечены, что объясняется неравномерностью развития у детей слов разных тематических групп.

У Лизы разница лексиконов из дневника (1108) и из опросника (426) в 24 мес. больше, чем у Агнии. Это вполне объяснимо: чем больше АЛ, тем значительнее зазор между реальным количеством слов и полученным в результате заполнения опросника: «…в 24 мес. в опроснике оказалось отраженным 38 % слов из реального словаря ребенка» [1, с. 132]. Однако заполненный опросник показывает различия в уровне развития лексикона: в два года возраст развития словаря Агнии соответствует 26 мес., а Лизы – 28 мес.

Показателем лексического продвижения является первая метафора в речи Агнии: *23;19 Насыпаю сахар в чай: «Сек, мам. Сек» (Снег).*

Становление звуковой стороны речи Агнии тоже типично. Первые 60 слов АЛ (до лексического скачка) были либо односложными с открытым слогом (*по – пол*, *де – дерево, го – голову* и др.), либо двусложными с открытыми слогами (*тетя*), либо состоящими из мягких консонантов (*сь – сыр, ть – чай*). Зафиксированы случаи метатезиса (*аи* вместо *иа* (*ослик*), *та-ти* вместо *тик-так* (*часы*), *ати* (*аист*). В 16–17 мес. отмечены трехсложные слова – с редупликацией или частично уподобленными слогами: *дададa* (*гагага*), *айяяй*, *бибика*, *Адиди* (*Мойдодыр*). В период лексического скачка появляются трехсложные слова с неодинаковыми слогами: *агути* (*огурчик*), *диицка* (*дырочка*), *Атёка* (*Антошка*), *питека* (*печенька*), *маника* (*майка*) и др. Хотя исходные слова отличаются по структуре, трансформации их в детской речи дали похожий результат: все слоги открытые, без кластеров и сложных согласных. Лексический взрыв сопровождается появлением четырехсложных слов *акотика* (*окошко*) и *агутика* (*огурчик*). В 24 мес. фиксируется первое пятисложное слово *пиидиваться* (*переодеваться*).

Исследование речи 42 детей раннего возраста из заполненных Макартуровских опросников показало, что артикуляция четырехсложных слов доступна большинству детей в возрасте 23 мес., пятисложных – в возрасте 26–28 мес. [6]. В недавней работе, основанной на анализе данных 27 Макартуровских опросников, обнаружено, что при появлении в речи детей именно четырехсложных слов увеличивается объем активного словаря и уменьшается лакуна между пассивным и активным лексиконами, а также сокращается количество единиц со слоговой элизией [7].

Агния активно пользуется слоговой элизией как тактикой упрощения артикуляции весь описываемый период. Однако выраженность слоговой элизии (процента слов, подвергающихся сокращению [8, с. 90]) уменьшается (табл. 1). Вариативность слоговой структуры (наличие в активной речи детей слов разнообразной слоговой структуры – как по количеству, так и по качеству входящих в слово слогов [8, с. 90]), напротив, увеличивается.

Табл. 1.

Развитие АЛ, вариативности слоговой структуры и выраженность слоговой элизии

Возраст (мес.)	Количество новых слов в АЛ	Выраженность слоговой элизии в этих словах	Количество типов конструкций слоговой структуры в этих словах
20	50	40 % (20 слов)	6
21 (лексический взрыв)	129	23 % (29 слов)	10
22	97	31 % (30 слов)	10
23	113	16 % (18 слов)	12
24	151	8 % (12 слов)	16[3]

Результаты анализа фонетического и лексического развития Агнии подтверждают, что «чем разнообразнее слоговая структура слов, которые ребенок способен артикулировать, тем больше слов в его активном лексиконе... Чем лучше у ребенка развит такой показатель, как вариативность слоговой структуры слова,

[3] Вариативность слоговой структуры в речи Лизы в 24 мес. составляла 15 [1, с. 45].

тем меньший процент слов в его речи подвергается сокращению… Чем больше слов в активном лексиконе ребенка, тем меньший процент слов подвергается сокращению» [8, с. 92].

Рассмотрим развитие морфологии Агнии. К 21 мес. в речи ребенка отмечены явления, свидетельствующие о возникновении когнитивных предпосылок, формирующих базу будущей грамматики [9]. С 14 мес. девочка говорит об объектах, отсутствующих в данный момент (*nana* – когда зашли в гостиную, где папа обычно находится; *nana* – если кто-то открывает дверь в квартиру или на лестничную клетку); с 16 мес. называет обладателя вещи в его отсутствие, когда видит эту вещь (*nana* – видя папины вещи; *Баба!* – закричала, когда увидела, как мама убирает в шкаф бабушкин халат); с 18 мес. говорит о будущем (*– Пойдем спать? – Баюбай… не баюбай + мотание головой*); с 21 мес. умеет говорить о прошедших событиях (*тётя укотик* – показывает на ножку, куда делали укол несколько месяцев назад).

Исследователями обнаружены статистически значимые различия в усвоении детьми определенных умений, причем иерархия появления высказываний указанных выше типов обусловлена когнитивными факторами. Обнаружилось, что «проще всего ребенку назвать отсутствующего в данный момент взрослого при виде его вещи. Высказывания об отсутствующих в поле зрения предметах или о ближайшем будущем появляются позже. Наиболее сложны (поскольку менее необходимы) – высказывания о прошлом» [9, с. 91]. Мы видим, что порядок появления указанных умений в речи Агнии соответствует полученным ранее результатам.

«Грамматикализация лексикона» Агнии, то есть «приобретение каждой из единиц формирующегося лексикона ребенка определенных грамматических характеристик» [3, с. 11], начинает происходить, как и у Лизы, даже до начала лексического взрыва. А в конце 21-го мес. появляется первая морфологическая оппозиция: форма винительного падежа существительного противопоставлена форме «псевдоименительного»: *21;1 Уку дай (руку дай); 21;28 Ука. Дай ука.* В 22 мес. отмечен случай использования дательного падежа: *а есике – по лесенке* (ср. *есика – лесенка*). Глаголы используются в основном в форме инфинитива (*одеть, есть, сесть*), но встречаются случаи использования настоящего времени (*ящерка/мама/папа бежит*) и прошедшего времени (*упала/упал*). Отмечено противопоставление формы инфинитива императиву: *писать – пиши*. Появляется протопредлог *а* (*а есике – по лесенке, а каси – от каши, а утики – на ручки*) и предлог *про* (*па батика – про бантика*: имелась в виду книга Г. Цыферова «Как стать большим» – о котенке с бантиком), притяжательное прилагательное (*Агати – Агатин*) и страдательное причастие (*я одета*).

Развитие морфологии Лизы было бурным – через месяц после лексического произошел морфологический взрыв: за две недели появились все падежные формы и формы ед. и мн. ч. существительных; формы настоящего и прошедшего времени глаголов; большое количество формообразовательных инноваций.

Как было показано в другом исследовании М.Б. Елисеевой, где сравнивается развитие Лизы и Тани, лексический взрыв не обязательно влечет за собой морфологический, но «способствует развитию морфологии, хотя и не столь стремительному» [10, с. 71]. Заметим, однако, что все три информанта отличаются сходством речевой стратегии – референциальной (подробно о стратегиях усвоения языка см. [11]).

У Агнии развитие морфологии было плавным, как и у Тани. В 23 мес. появляются:

– противопоставления мн. и ед. ч. существительных: (*лужа/лужи, рука/руки, бика/бики* (машинка/машинки), *ножка/ножки*;

– формы родительного падежа *(23;11 – Надо помыть лицо. – А каси (от каши). И тут же сама исправилась: Сюпа (т.е. от супа, т. к. ела суп)*;

– все формы глаголов настоящего времени, кроме 2 л. мн. ч. (*я плачу, я кушаю; не хочешь* (в значении «не хочу»), *собака летит, тётя лезет; мы едем, гулять идём; все идут, все спят*), 3 л. ед. ч. прош. вр. (*Агата ушла, папа пришел*), а также 1 л. ед. ч. буд. вр. (*пойду гулять, я поищу*);

– первые морфологические инновации (*нОга, рисуть, танцуть, мама пришёл, папа большая*).

В 24 мес. зафиксированы союзы: *а* (*Агата в школе, а папа работает*) и *как* (*как Маша*). Появляются симплексы к уже имеющимся в речи диминутивам (*кровать* и *кроватка*) и наоборот – диминутивы к симплексам (*собачка* и *собака*).

Свидетельством прогресса в речевом развитии ребенка являются первые случаи метаязыковой деятельности – самоисправления (практически в том же возрасте, что и у Лизы): в 23;11 – лексическое (см. пример выше, где ребенок выбирает нужное слово: *каши… супа*), а в 23;15 – морфологическое*: Просила показать видео с крещения, где она плачет: «Пачет. Я пачет. Пачу».*

Развитие синтаксиса Агнии, как и у Тани, тоже «шло классическим путем – фиксировался период “телеграфного стиля”» [10, с. 71]). Как правило, синтаксис развивается у детей быстрее и проще, чем морфология: «“Медианные” мальчики используют все грамматические категории (падеж, число существительных, время и лицо глагола) с 33 мес., а девочки – с 31 мес.)» [12, с. 133]. Сравните: «Дети, результаты которых относятся к медиане, соединяют слова в предложения: 1) в 20 мес. – девочки, 2) около 22 мес. – мальчики» [13, с. 1050].

Первое двусловное высказывание Агнии появляется в 16;6: *Дадада айяяй* (буквально: *гагага айяяй* – о гусях-лебедях, которые унесли мальчика (мама говорила: *Ай-я-яй, Ванюшу унесли*)). Спустя месяц отмечено несколько однотипных двусинтаксемных высказываний телеграфного стиля, состоящих из слов языка нянь: *17;27 «Баба а-а-а (закрывает глаза руками)» – баба плачет (при виде книжки «Курочка ряба», где на картинке все плачут). 18;2 Перед сном болтает: тётя а-а (тетя поет), мама а-а (мама поет), папа пись-пись (услышала, как папа открыл дверь туалета).*

Как и в речи Жени Гвоздева, некоторое время спустя у Агнии появляются трехсловные высказывания телеграфного стиля (которых не было у Лизы):

21;1 Мама вот эти адеть – протягивает мне домашние штаны.

21;10 Дай один бика (Дай одну рыбку) – про крекер в форме рыбок.

Активный прирост глаголов в 21 мес. и зарождение морфологии позволяет ребенку конструировать первые высказывания с изменяемыми словами: *мама, рисуй; ляля плачет; собака идет*. В 23;1 отмечены такие трехсловные высказывания: *Агата уроки делает*.

С точки зрения возраста развития, синтаксис Агнии опережает типичное синтаксическое развитие девочек: как показали исследования, основанные на базе данных Макартуровских опросников, только 19 мес. – точка начала быстро-

го развития фразовой речи для девочек [13, с. 1059]. Несмотря на большой объем лексикона и бурное развитие морфологии, двусловные предложения без пауз в речи Лизы появились позже, что подтверждает идею об относительно независимом развитии синтаксиса.

Максимальная длина предложений в начале лексического взрыва у Агнии в 21 мес. – три слова, что выше медианы для девочек (два слова) [5, с. 47].

В 23 мес. в речи девочки появляются первые морфологически оформленные четырехсловные высказывания, в том числе вопросительные: «*А почему машинка пикает?»* В 24 мес. максимальная длина фразы – семь слов (медиана – 3.7); это сложносочиненные (*Панда ест бамбук, а папа ест блинчики*) и сложноподчиненные предложения (*Алиса, включи песенки Маша Миша поют*), однако с пропуском союзного слова – местоимения *который*.

Характерно, что в 24 мес. в речи Агнии еще немало предложений с использованием неизмененных слов, в том числе ономатопей: *Пахозя папа биби* (*похожа на папину машину*), *босе нету еда* (*больше нету еды*). Все падежи будут усвоены несколько позже – временной промежуток от первой падежной формы (винительного падежа) в 21 мес. до последней (предложного) в 25 мес. – четыре месяца.

Подведем некоторые итоги сопоставления начальных периодов речевого развития Лизы и Агнии.

В результате исследования, основанного на дневнике Лизы [1], были выявлены две различные стратегии ребенка при овладении языком: «1) компенсаторная, “взаимодополняющая”, когда недоразвитие одного компонента компенсируется развитием другого (богатая флективная морфология в сочетании с обширным лексиконом компенсировала бедность синтаксиса), и 2) “стимулирующая”, когда развитие одного компонента ускоряет развитие другого: овладение слоговой структурой слова явилось стимулом развития лексикона, повлиявшего на развитие морфологии; в свою очередь, быстрое развитие морфологии послужило стимулом развития синтаксических структур» [1, с. 294]. Было высказано предположение о том, что речевой онтогенез разных детей всегда будет отмечен «стимулирующей» стратегией, но не всегда – «компенсаторной».

Настоящее исследование подтвердило эту точку зрения: взаимообусловленными оказались фонетический (умение артикулировать трех- и четырехсложные слова), лексический (объем АЛ) и морфологический (появление грамматических категорий) компоненты, в то время как синтаксический модуль на начальных этапах развивался относительно автономно. Однако несколько позже развитие морфологии служит «вспомогательным механизмом развития синтаксических структур – трех- и четырехсловных высказываний, грамматически правильно оформленных» [14, с. 185].

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. *Елисеева М.Б.* Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. М.: ЯСК, 2014. 342 с.
2. *Bloom L.* Imitation and its role in language development // Bloom L. Language Development from Two to Three. Cambridge, New York, NY: Cambridge Univ. Press, 1991. P. 399–432.

3. *Тьосса К.А.* Лексикон ребенка раннего возраста (по данным материнского дневника и Макартуровского опросника) // Проблемы онтолингвистики – 2024: языковое взаимодействие взрослого и ребенка. Материалы ежегод. Междунар. науч. конф. СПб.: ВВМ, 2024. С. 25–31.

4. *Елисеева М.Б., Вершинина Е.А., Рыскина В.Л.* Макартуровский опросник: русская версия: оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста, нормы развития, образцы анализа, комментарии. Иваново: ЛИСТОС, 2021. 79 с.

5. *Итигина М.Л.* Усвоение звуковой стороны речи детьми раннего возраста // Логопед в детском саду. 2006. № 2 (11). С. 57–63.

6. *Фонова М.А.* Взаимосвязь объема активного лексикона детей раннего возраста и их умения артикулировать многосложные слова. Магистерск. дис. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2024. 107 с.

7. *Итигина М.Л.* Взаимосвязь слоговой структуры слова и объема активного словаря в речи детей 2–3 лет: к вопросу об объективности Мак-Артуровского опросника как метода исследования // Проблемы онтолингвистики 2007: материалы Междунар. конф. (21–22 мая 2007 г. – Санкт-Петербург). СПб.: Златоуст, 2007. С. 90–92.

8. *Елисеева М.Б., Вершинина Е.А.* Когнитивные предвестники развития детской грамматики по данным Макартуровских опросников и case study // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 91–104. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.91-104.

9. *Елисеева М.Б.* Лексический взрыв в речи ребенка раннего возраста как стимул развития морфологии // Уральский филологич. вестн. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2015. № 1. С. 65–75.

10. *Доброва Г.Р.* Вариативность речевого развития детей. М.: ЯСК, 2018. 262 с.

11. *Елисеева М.Б. Вершинина В. А.* Нормы усвоения грамматических категорий мальчиками и девочками раннего возраста: (по данным Макартуровского опросника) // Специальное образование. 2020. № 1 (57). С. 120–135. https://doi.org/10.26170/sp20-01-09.

12. *Елисеева М.Б., Вершинина Е.А.* Двусинтаксемные высказывания в ранней детской речи: гендерный аспект по данным Макартуровских опросников // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 4. С. 1050–1066. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1050-1066.

13. *Цейтлин С.Н., Воейкова М.Д.* Санкт-Петербургская школа онтолингвистики // Вопр. психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 182–205. https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-182-205.

Поступила в редакцию 10.07.2024
Принята к публикации 10.09.2024

Елисеева Марина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языкового и литературного образования ребенка, заведующий НИЛ онтолингвистики

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
наб. р. Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191086, Россия
E-mail: *melyseeva@yandex.ru*

Тьосса Ксения Антоновна, лаборант-исследователь НИЛ онтолингвистики

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
наб. р. Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191086, Россия
E-mail: *xenia.tossa@mail.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 5, pp. 154–165

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.154-165

The Child's Language System during the Vocabulary Explosion: Individual and Common Trends

Eliseeva M.B, Tossa K.A.***

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 191186 Russia

E-mail: **melyseeva@yandex.ru, ** xenia.tossa@mail.ru*

Received July 10, 2024; Accepted September 10, 2024

Abstract

A longitudinal diary study on the formation of two young girls' individual language systems was carried out. In both cases, the general language ability was tracked by considering its key components, including the phonetic, lexical, morphological, and syntactic ones, as well as imitation skills and early metalinguistic awareness. The relation between these components (autonomy or mutual influence) was examined. The MacArthur–Bates Communicative Development Inventories (CDI) were used as an auxiliary tool. The findings of the two case studies were compared with the published results of a systemic analysis based on the extensive MacArthur–Bates-CDI database on various components of general language ability. The comparisons revealed shared and individual language acquisition patterns in the early stages of speech ontogenesis. The obtained data are consistent with those reported in previous research: in the early stage of language acquisition, the speech of the girls was marked by an interaction between the phonetic (articulation of complex three- or four-syllable words), lexical (vocabulary growth), and morphological (learning grammatical categories) components, while the syntactic component progressed relatively autonomously; and then, during the later stage, morphological skills served more as a supportive mechanism that facilitated the construction of grammatically accurate syntactic structures.

Keywords: speech ontogenesis, individual language system, components of language ability, diagnostics of speech development, MacArthur–Bates CDI, children's phonetics, early vocabulary, children's morphology, children's syntax

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Figure Captions

Fig. 1. Growth of Agniya's active vocabulary at 13–24 months.

References

1. Eliseeva M.B. *Stanovlenie individual'noi yazykovoi sistemy rebenka: rannie etapy* [Language System Development in Children: Early Stages]. Moscow, YaSK, 2014. 342 p. (In Russian)
2. Bloom L. Imitation and its role in language development. In: Bloom L. *Language Development from Two to Three.* Cambridge, New York, NY, Cambridge Univ. Press, 1991, pp. 399–432.
3. Tossa K.A. Vocabulary skills in early childhood (insights from the maternal diary and MacArthur–Bates CDI). *Problemy ontolingvistiki – 2024: yazykovoe vzaimodeistvie vzroslogo i rebenka. Materialy ezhegod. Mezhdunar. nauch. konf*. [Problems of Ontolinguistics – 2024: Language Interaction between Adults and Children: Proc. Annu. Int. Sci. Conf.]. St. Petersburg, VVM, 2024, pp. 25–31. (In Russian)
4. Eliseeva M.B., Vershinina E.A., Ryskina V.L. *Makarturovskii oprosnik: russkaya versiya: otsenka rechevogo i kommunikativnogo razvitiya detei rannego vozrasta, normy razvitiya, obraztsy*

analiza, kommentarii [The MacArthur–Bates CDI: A Russian Version: Assessing the Speech and Communication Development in Young Children, Development Standards, Case Studies, Commentaries]. Ivanovo, LISTOS, 2021. 79 p. (In Russian)

5. Itigina M.L. Phonological development in early childhood. *Logoped v Detskom Sadu*, 2006, no. 2 (11). pp. 57–63. (In Russian)
6. Fonova M.A. The relation between active vocabulary and articulation of multisyllabic words in early childhood. *Master's Diss*. St. Petersburg, RGPU im. A.I. Gertsena, 2024. 107 p. (In Russian)
7. Itigina M.L. Word syllable structure and its relation to active vocabulary size in the speech of 2–3-year-olds: On the reliability of the MacArthur–Bates CDI as a research tool. *Problemy Ontolingvistiki 2007: Materialy Mezhdunar. konf*. [Problems of Ontolinguistics – 2007: Proc. Int. Sci. Conf.]. St. Petersburg, Zlatoust, 2007, pp. 90–92. (In Russian)
8. Eliseeva M.B., Vershinina E.A. Cognitive prerequisites for the acquisition of grammar in children based on the materials of the MacArthur–Bates CDI and case study. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 91–104. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.91-104. (In Russian)
9. Eliseeva M.B. Vocabulary explosion in early childhood as a catalyst for the acquisition of morphology. *Ural'skii Filologicheskii Vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika Kreativa*, 2015, no. 1, pp. 65–75. (In Russian)
10. Dobrova G.R. *Variativnost' rechevogo razvitiya detei* [Variability in Children's Language Acquisition]. Moscow, YaSK, 2018. 262 p. (In Russian)
11. Eliseeva M.B., Vershinina E.A. The standards of grammatical category acquisition by young boys and girls (based on the MacArthur–Bates CDI). *Spetsial'noe Obrazovanie*, 2020, no. 1 (57), pp. 120–135. https://doi.org/10.26170/sp20-01-09. (In Russian)
12. Eliseeva M.B., Vershinina E.A. Early two-word utterances: Gender aspects as reflected by the MacArthur–Bates CDI. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya Yazyka. Semiotika. Semantika*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1050–1066. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1050-1066. (In Russian)
13. Tseitlin S.N., Voeikova M.D. St. Petersburg school of developmental linguistics. *Voprosy Psikholingvistiki*, 2019, no. 1 (39), pp.182–205. https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-182-205. (In Russian)

***Для цитирования*:** *Елисеева М.Б., Тьосса К.А.* Языковая система ребенка на этапе лексического взрыва: индивидуальное и типичное // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 154–165. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.154-165.

***For citation*:** Eliseeva M.B., Tossa K.A. The child's language system during the vocabulary explosion: Individual and common trends. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 154–165. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.154-165. (In Russian)